

Т.С. Волкова

Время в локальном социокультурном пространстве

В современных гуманитарных исследованиях можно встретить такие термины как: «биологическое время», «социальное время», «историческое время», «внутреннее время», «семейное время», «личное время», «психологическое время». Казалось бы, для исторических исследований категория времени является ключевой и должна привлекать всеобщее внимание профессионалов-историков. Но на самом деле ей больше внимания уделяли и уделяют социологи.

Еще Э. Дюркгейм обратил внимание на то, что время необходимо для регулирования ритма коллективных действий. П.Сорокин и Р.Мертон пришли к выводу, что время течет по-разному в разных обществах.

В современной социологии общепринятой концепции социального времени не существует, хотя по поводу самой категории появляются интересные идеи. Так, П. Штомпка связывает время с понятием «событие» и считает возможным использовать его в качестве измерителя и макро-, и мезо-, и микро- событий. С его точки зрения, время регулируется обществом и в современном индустриальном обществе превращается в главного организатора человеческой деятельности. Время мистифицируется, так как оно «принимает форму ресурса, который можно потратить, сэкономить, распределить и даже собственности, которую можно продать или обменять»¹. Исследователь признает, что категория времени применима и к традиционным обществам. Они тоже изменяются, хотя медленнее, чем привыкли «западные» наблюдатели, описывающие эти общества. По форме время, как считает П. Штомпка, бывает циклическим и линейным. Оно необходимо человеку для координации социальных действий².

Р. Левин считает время краеугольным камнем социальной жизни и увязывает эту категорию с психологическим восприятием «длительности». Он вводит термины «временные стереотипы» и «скорость жизни»³, которые могут быть достаточно продуктивными в конкретно-исторических исследованиях.

Т.А. Нестик предпочитает говорить о «нормативной темпоральной картине мира», которая воплощает представление группы о том, как заполняется и расходуется время. Он характеризует представление о времени в современном индустриальном обществе, где временной порядок усваивается через систему образования (в частности школу) и позволяет человеку минимизировать конфликты. Централизация власти, по представлению исследователя, ведет к введению единых стандартов отсчета времени и предполагает

¹ Штомпка П. Социология социальных измерений. М., 1996. С. 82.

² Там же С.75.

³ Левин Р. География времени. Социология. 1991. № 1. С.111-121.

насилие. Он признает возможность существования групповых временных норм (например, сельских и городских), но не пытается их охарактеризовать⁴.

И.М. Савельева и А.В. Полетаев темпоральные представления делят на уровни (эмпирический, семейный, сакральный и исторический). На каждом из уровней, с их точки зрения, могут существовать и циклические, и линейные представления одновременно. Для доиндустриальных обществ основным фактором формирования эмпирических темпоральных представлений они называют «рутинизированность человеческой деятельности, обусловленной природными явлениями»⁵.

Семейный уровень, по их утверждению, становится неактуальным в эпоху всеобщей грамотности, когда семейное прошлое перестает быть определяющим фактором в судьбе человека⁶. Исследователи констатируют, что исторический уровень темпоральных представлений в XX в. определяется властью. Власть посредством календаря, памятных дат и памятников может сохранить или уничтожить сакральный уровень⁷.

Определенный интерес к проблемам времени проявляют культурологи. В основном в культурологических работах категория времени исследуется применительно к Средним векам и иногда к Новому времени. Выводы же исследователей крайне противоречивы и фрагментарны. Так, П.М. Бицилли писал, что «мир средневекового человека раз и навсегда готов, не подвластен времени»⁸. И.Г. Белявский и В.А. Шкуратов, наоборот, предполагали, что человек средневековья жил с ощущением линейного времени (от начала к концу)⁹. Ж. Ле Гофф же просто определяет время Средневековья как аграрное, сельское время, время большой длительности. У него же можно прочесть, что народные массы не владели собственным временем и не умели его определять¹⁰.

В конкретно-исторических работах, посвященных XX веку, темпоральные проблемы пока не исследуются. Единственным направлением, связанным с этой проблематикой можно считать работы, посвященные «бюджетам времени».

В России первые попытки систематического изучения «бюджетов времени» различных социальных групп можно отнести к 1894-1895 гг. Касались они в первую очередь рабочих и студентов¹¹. Сам термин появился позднее, в 1920 г., и, как убедительно доказал В.А. Артемов, принадлежит П. Сорокину¹².

⁴ Нестик Т.А. Социология конструирования времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С.18-19.

⁵ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С.579.

⁶ Там же. С.592.

⁷ Там же. С.661.

⁸ Бицилли П.М. Место Ренессанса в средневековой культуре. СПб., 1996. С.93.

⁹ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. С.17.

¹⁰ Ле Гофф. Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 217

¹¹ См. Артемов В.А. К истории возникновения исследований бюджетов времени // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 145.

¹² Там же.

В начале 1920-х гг. С.Г. Струмилин начал изучать затраты времени в семьях рабочих¹³. Он же дал первую классификацию временных затрат (труд–отдых–сон). Начиная с 1970-х гг. в исследованиях советских ученых использовалась другая типология, предложенная Г.А. Пруденским (рабочее время – внерабочее время). Внерабочее время в этой классификации имеет сложную структуру. Оно делится на внерабочее, связанное с производством; внерабочее, связанное с домашним трудом; связанное с удовлетворением физических потребностей; собственно свободное и прочие затраты¹⁴.

Бюджеты времени крестьян изучали в 1920-х гг. А.Н. Челищев и А.В. Чаянов. Последнего интересовала проблема трудонапряженности в крестьянском хозяйстве. Поскольку крестьянское хозяйство того времени было семейным, для получения объективного результата он подсчитывал количество дней, потраченных каждым членом семьи на выполнение работ в каждой отрасли хозяйства. Затем использовал коэффициенты, для того чтобы приравнять труд женщин и детей к труду взрослых мужчин¹⁵.

В середине 1920-х гг. модно стало изучать бюджеты времени комсомольцев и активистов. Самое крупное обследование было проведено по инициативе ЦК ВЛКСМ и охватило 28 губерний, областей и округов СССР. Анкеты были предложены активистам различного уровня (губернского, уездного, районного). Временные затраты делились на три категории: труд, отдых, сон. Полученные данные (125 анкет) были частично обобщены и опубликованы статистическим подотделом ЦК ВЛКСМ¹⁶.

Бюджеты времени школьников активно изучались педологами. Многие из представителей этого направления в педагогике считали, что без подобных исследований продуктивная педагогическая деятельность невозможна¹⁷.

Для выяснения эвристического потенциала вышеперечисленных идей и гипотез представляется целесообразным проанализировать темпоритмы, существовавшие в локальном социокультурном пространстве. Таковым можно считать, например, Приуралье (Западный Урал). Российская империя, СССР, Россия, будучи относительно едиными, в политическом и экономическом отношении, не могут рассматриваться как единое социокультурное пространство.

Изменения в темпоритмах рельефнее проступают в переходные для общества и государства периоды. Одним из таких периодов в XX веке является эпоха 20-30 гг. Приступая к анализу темпоритмов, в которые определяли образ жизни населения Приуралья в эти десятилетия, следует подчеркнуть, что речь идет об обществе переходного типа. И, следовательно, допустить возможность параллельного существования различных временных систем.

¹³ См.: Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1972.

¹⁴ См.: Бюджеты времени. Вопросы изучения и использования. Новосибирск, 1977.

¹⁵ См.: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989.

¹⁶ Труд, отдых, сон комсомольца-активиста. По материалам выборочного обследования бюджетов времени активных работников ВЛКСМ. М.; Л., 1926.

¹⁷ См. например: Бюджет времени школьника. Сб. статей под ред. М.С. Бернштейна и Н.А. Рыбникова. М.; Л., 1927.

Принятая тем или иным обществом система временных координат в первую очередь отражается в календарях. В них задается ритм труда и отдыха, маркируются праздники и будни. В интересующий нас период на территории Западного Урала были актуальны следующие календари: хозяйственно-фенологические (солнечный и лунный); религиозные (православный, мусульманский); светские (общегосударственные и местные).

Анализ содержания и структуры хозяйственно-феноменологических календарей различных этнотерриториальных групп Приуралья предпринял А.В. Черных¹⁸. Из приведенных им данных следует, что до конца 30-х гг. коренные народы этой территории, а также старожильческое русское население пользовались как солнечным, так и лунным календарем. Основные вехи солнечного календаря (зимнее и летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие) были известны всем народам, но никакими обрядовыми действиями не выделялись. По лунному календарю определялись подвижные православные праздники у русского населения (Масленица, Пасха) и народные праздники татар и башкир (проводы льда, гостевание и др.). В традиционных календарных циклах не было праздников, связанных с животноводством и ремеслом, то есть с занятиями, не нашедшими на данной территории широкого распространения. У коренных народов преобладало двухчленное деление годового цикла (на зимнее и летнее полугодие). Четырехчленное деление (зима, весна, лето, осень) к 30-м годам прочно вошло в жизнь лишь русского населения. Границами зимы и лета у русских, буйских удмуртов, сылвенских марийцев были Пасха и Покров, а у татар и башкир – Благовещение и Покров. Русский традиционный календарь, как утверждает А.В. Черных, оказал заметное влияние на финно-угорские и тюркские народы Приуралья. Это связано с переходом их к земледелию как основной форме хозяйственной деятельности. В то же время русский хозяйственно-феноменологический календарь заметного влияния календарных систем соседних этносов не претерпел.

Традиционный мусульманский календарь, базирующийся на лунном летоисчислении, серьезным вмешательством со стороны государства в исследуемый период не подвергался. Православный же календарь, основанный на юлианском летоисчислении, с переходом государства на григорианский стиль в феврале 1918 г. остался актуальным только для людей верующих. Год стал делиться не на 2-4, а на 12 равных отрезков времени и начинался с 1 января.

Эти нововведения осложнили временную ориентацию не только для православных, но и для язычников. Таковыми в 20-е гг. оставались, например, буйские удмурты. Традиционным днем отдыха для них была пятница, а согласно гражданскому календарю днем отдыха признавалось воскресенье.

До 1925 г. в системе праздников, позиционированных как государственные, существовали региональные особенности. Местные власти могли проявить и инициативу и увеличить продолжительность праздников. Так, для жителей Западного Урала местные органы власти предусмотрели в 1923 г. 7 праздников: 1.01 – Новый год; 22.01 – день памяти

¹⁸ Черных А.В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX века (по материалам национальных районов Пермской области). Пермь, 2002.

9 января 1905 г.; 12.03 – низвержение самодержавия; 18.03. – день Парижской Коммуны; 1.05 – день Интернационала; 7.11 – день Пролетарской революции; 15.07 – день освобождения Урала от белогвардейцев. В 1925 г. Пермский окружной исполнительный совет РК и КД на основании статьи 111 Кодекса законов о труде обязательным постановлением запланировал 6 государственных праздников и на основании статьи 112 того же Кодекса ввел 7 дополнительных праздничных дней. Никаких веских причин кроме прозаичного желания увеличить продолжительность нерабочих дней в данном постановлении не прослеживается. В трех случаях к уже имеющимся праздникам приплюсовали ещё по одному дню. При этом праздничный день 8 ноября получил странное наименование Второго дня Октябрьской революции¹⁹.

В этом же году Московский Совет профессиональных союзов постановил считать за праздничными следующие 10 дней сверх воскресных и революционных: Рождество (2 дня), Пасха (2 дня), Духов день, Благовещение, Преображение, Вознесение, Успение, Крещение. В канун Рождества и в пятницу на Страстной неделе предлагалось заканчивать работу в 12 часов дня²⁰.

Как следует из вышеприведенных примеров, православные праздники частично оставались в государственном календаре, но связь и последовательность между ними, а, следовательно, и смысл, были утеряны. Из цикла двенадцатых праздников были изъяты Преображение, Успение, Крещение, Благовещение. Они считались рабочими днями.

Кроме того, Рождеству в каноническом варианте должно было предшествовать пять ней предпразднества, а иные двенадцатые праздники должны были иметь по одному дню предпразднества. Эти временные отрезки позволяли людям спокойно подготовиться к достойной встрече того или иного праздника.

В советском календаре предпраздничные дни считались рабочими, хотя и с сокращенным (до шести часов) рабочим днем.

Таким образом, несмотря на некоторое противодействие местных властей, произошло резкое сокращение праздничных (в 3-4 раза), а, следовательно, и в целом, нерабочих дней. Гарантированный государством отпуск не восполнял потери.

Приуралье в 20-30-х гг. нельзя назвать индустриально развитым регионом в современном смысле этого слова. Учитывая состав и основные занятия населения этой территории корректнее было бы определить уровень её развития как индустриально-аграрный. Подавляющая масса населения продолжала в этот период жить в сельской местности.

Сельское (аграрное) время всегда зависит от погодных условий. Его темп и ритм нельзя задать «сверху», искусственно изменить. Целесообразнее подчиниться тому темпу, который задает природа. Маркером для определения временных вешек (начала сева, сенокоса, уборки

¹⁹ Вся Пермь. Справочное издание за 1925 г. Пермь, 1925. С.11-12.

²⁰ Историко-революционный календарь. М.,1939. С. 3.

урожая и др. работ) являются, так называемые народные приметы, фиксирующие причинно-следственные связи в природном мире на уровне обыденного сознания.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные статистики позволяют достаточно подробно представить жизненный ритм крестьян Предуралья в 20-е гг. XX в.

Продолжительность зимы определялась в этот период по наличию санного пути. В 1921/29 гг. в Северном Предуралье она составляла 160 дней, а в Центральном и Южном – 150 дней. По округам складывалась следующая картина: В.-Камский – 163 дня, Коми-Пермяцкий – 157, Пермский – 154, Сарапульский – 145. Сезон интенсивной сельскохозяйственной деятельности (полеводство в регионе преобладало над животноводством) мог составлять от 302 до 202 дней²¹.

Набор и технологии сельскохозяйственных работ были тождественными. Отсюда следует, что крестьянское население Северного Предуралья вынуждено было в летнее время либо действовать в 1,5 раза быстрее крестьян Среднего и Южного Предуралья, либо обрабатывать значительно меньшие площади, тем самым сознательно занижая уровень личного потребления.

Общая продолжительность посевной кампании по В.-Камскому округу составляла 20 дней (с 21.05 по 14.06), по Кунгурскому – 21 день (с 15.05 по 9.06), по Пермскому – 23 дня (с 17.05 по 8.06), по Сарапульскому – 23 дня (с 17.05 по 8.06). Во всех округах одновременно сеяли три культуры, что не могло не сказываться на агротехнике²².

Большая часть времени в период посевной кампании во всех округах уходила на овес. На втором месте по трудозатратам был ячмень (в В.-Камском и Кунгурском округах), картофель (в Пермском округе), просо (в Сарапульском округе). Интенсивность работ в период посевной кампании повышалась на треть.

Между посевной кампанией и сенокосом не было временного зазора. В период с 1921 по 1929 гг. в среднем сенокос продолжался с 15.05 по 16.06 (на заливных лугах) и с 17.07 до 05.08 (на незаливных лугах). В Северном Предуралье с 17.05 по 15.07 (30 дней) и с 15.07 по 6.08 (23 дня), а в Центральном и Южном Предуралье с 11.05 до 11.07 (31 день) и с 10.07 по 30.07 (21 день)²³.

Затем на территории Северного Предуралья (с 05.08 по 11.08), а в Центральном и Южном Предуралье (с 30.07 по 03.08) наступал некоторый перерыв в полевых работах. Перед долгой и утомительной уборочной кампанией, которую крестьяне не зря называли страдой. В Северном Предуралье она начиналась с 11.07 и продолжалась до 29.09, в Центральном и Южном Предуралье – с 03.07 и до 26.09²⁴.

Полеводство, как было сказано раньше, было основным занятием крестьян Приуралья, но не единственным. О том, как крестьяне распределяли эти занятия в рамках годового

²¹ Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск. 1930. Вып. 4. С. 588.

²² Там же. С. 363.

²³ Там же. С. 593.

²⁴ Бюджеты крестьянских хозяйств... С. 124-126.

цикла, можно судить по бюджетному обследованию 186 крестьянских хозяйств, поведенному на территории Урала в 1925-1926 гг.²⁵ Данные обследования позволяют также определить пики активности крестьянских хозяйств в разных видах производственной деятельности на различных территориях.

Январь, февраль, апрель, сентябрь и декабрь можно характеризовать как периоды наименьшей напряженности. Минимальные затраты времени на полеводство требовались от крестьян в период с января по март, на животноводство с мая по август, ремесленничество – в сентябре-октябре. Спады производственной активности были более продолжительными, чем подъемы.

Крестьяне Лесного Предуралья семь раз в году перераспределяли рабочее время в пользу одного из занятий. Пики активности по различным видам занятий не совпадали²⁶.

Крестьяне Центрального и Южного Предуралья вынуждены были перераспределять время 8 раз в году. В отличие от Северной лесной зоны, относительно спокойными были январь, февраль, март, апрель. Работы по найму здесь не прекращались в течение всего года. В ноябре приходилось разрываться между работой по найму и скотоводством²⁷.

Паузы в различных видах сельскохозяйственного труда для крестьян Лесного Предуралья продолжались от 1 до 4 месяцев. В Центральной и Южной полосе около 3 месяцев крестьяне не занимались усадьбой, столько же животноводством, 2 месяца – сенокосом. Дела же, связанным с полеводством, работой в лесу и работе по найму приходилось уделять внимание круглогодично.

Бюджетное обследование крестьянских хозяйств, проведенное в 1925-1926 гг. позволяет судить о балансе рабочего времени крестьянской семьи²⁸.

Рабочее время крестьян, скорее, время мужское, чем женское. Вместе с тем, на юге региона женщины тратили на сельскохозяйственные работы больше времени, чем на севере. Детские затраты на сельскохозяйственный труд занимают незначительное место в балансе рабочего времени семьи, но оно сопоставимо с затратами времени прислуги и поденщиков. Наемные работники позволяли семьям Лесного Приуралья экономить до 4,12% рабочего времени (или 116,4 часа в год). В Южном Приуралье соответственно 4,8% (263,9 часов в год).

В целом, 38,5% рабочего времени семьи на Севере и до 65% на Юге уходило на сельское хозяйство. До половины этих затрат шло на полеводство. Рыболовство и охота не играли сколько-нибудь заметной роли в жизни семей Приуралья. Затраты на домохозяйство были ощутимей и отнимали до одной пятой (20,54% и 19,66%) рабочего времени семей соответственно. Крестьяне Северного Приуралья демонстрировали большую мобильность.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 324-332.

²⁸ Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1928. С. 226-227.

Поездки по хозяйственным нуждам занимали у них 136 часов на одну семью в год, тогда как на юге этот показатель достигал в среднем 121 час.

В основной отрасли производства – полеводстве, основные затраты времени осуществляли мужчины (68,23% и 57,8%). Женщины Южного Приуралья на $\frac{1}{4}$ и дети почти в два раза больше времени уделяли этому занятию, чем аналогичные социальные группы Северного Приуралья²⁹.

Участие в общественных работах не было обременительным: 11,6 часов на 1 семью в год в Северном Приуралье и 16,6 часов в Южном Приуралье. Заметно больше времени уходило на общественные собрания: 13,9 и 41,1 часа соответственно. Получается, что крестьяне больше обсуждали общественные вопросы, чем их решали.

Анализ бюджетов семейного времени позволяет говорить об аграрном перенаселении в регионе, так как половина потенциальных рабочих часов не вырабатывалась. Если учесть, что в разработку вошли 22 хозяйства Северного Приуралья и 117 хозяйств Южного Приуралья, то в расчете на одну семью на Севере за год не вырабатывались 1396,6 часов, на Юге – 2785,6 часов.

Как сумели горожане, представители различных социальных и возрастных групп распорядиться временем в условиях сосуществования различных временных систем?

Если сравнивать бюджеты времени семей рабочих и служащих в 1923 г. (исследование проводилось в ноябре месяце)³⁰, то вырисовывается следующая картина.

Больше всех проводили время на работе мужчины-рабочие (195 часов) и женщины-служащие (168 часов), но сверхурочно и в праздничные дни больше других категорий работали женщины-служащие. Это в два раза больше мужчин-служащих и в три раза больше мужчин-рабочих. Путь на работу и с работы занимал у женщин (и рабочих и служащих) одинаковый промежуток времени, но значительно больший, чем у мужчин. Мужчины – служащие шли с работы быстрее, чем на нее, а мужчины – рабочие – наоборот после работы домой не спешили.

Достаточно большое количество времени уходило на получение зарплаты. По 10 часов в месяц проводили в очередях женщины-работницы, тогда как у мужчин-рабочих затраты составляли в среднем 4,9 часа. По-видимому, они привлекали для этой цели домохозяйек (на 1,3 часа). Среди служащих в очередях за зарплатой мужчины проводили времени в три раза больше женщин-служащих, но в три раза меньше, чем мужчины-рабочие.

Продолжительность сна у всех категорий соответствовала физиологическим нормам и составляла не менее 8 часов в день. Сон использовался как ночной, так и дневной (около 2,7% от общей продолжительности). Работающие женщины позволяли себе спать днем в 2-3 раза меньше работающих мужчин (около 5 часов в месяц).

²⁹ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 120. Л. 26-27.

³⁰ Положение труда на Урале в 1923 г. Материалы по статистике труда. Серия 3. Т. 2. Екатеринбург, 1924.

Как расходовалось нерабочее время? Его нельзя свести к досугу, так горожанам приходилось много внимания уделять домашнему труду. В семьях рабочих в садах и на огородах работали как мужчины, так и домохозяйки, но в семьях служащих только мужчины. Все домохозяйки ухаживали за скотом и птицей, однако на эти работы в семьях служащих в три раза меньше времени, чем в семьях рабочих. Заготовкой топлива и сена занимались только рабочие-мужчины. Иногда к ним подключались домохозяйки.

Домохозяйки в семьях рабочих и служащих и тратили до четырех часов в день на приготовление пищи (122–125 часов в месяц) и до 1 часа на заготовку воды (26–32 часа в месяц). Мужчины подключались к этому виду деятельности в исключительных случаях. Практически не готовили еду женщины-служащие (0,5 часа в месяц), тогда как мужчины-служащие, все же до 1 часа уделяли этому виду деятельности.

Уборкой дома приходилось заниматься всем. У домохозяек этот процесс занимал 36–37 минут ежедневно. У работающих мужчин и женщин от 5 до 17,2 минут. Стирка одежды была исключительно женским занятием. К чистке и починке одежды и обуви иногда подключались мужчины. Домохозяйки в семьях рабочих стирали в 1,5 раза чаще и чистили одежду и обувь в 9 раз дольше, чем домохозяйки в семьях служащих.

Если посмотреть на личное время, но оно расходовалось по-разному. Личное время мужчин-служащих было посвящено чтению книг, газет и журналов (55 часов в неделю), бездеятельному времяпровождению (43,5), принятию еды (41,5). Они любили ходить в гости и принимать гостей (19,5), на прогулки тратили до пятнадцати часов ежемесячно, тогда как общественной работе посвящали только восемь часов. Заметной частью их жизнедеятельности было посещение лекций и докладов (11 часов). Тщательнее всех остальных групп следили они за своей внешностью (22,5 часа). Любопытно, что этому занятию они уделяли на два часа в месяц больше, чем их жены-домохозяйки.

Личное время мужчин-рабочих – это: употребление еды (44,9 часа), бездеятельный отдых (34), чтение (22,4), гостевание (15,2), общественная деятельность (10,5).

Женщины-работницы в свободное время были заняты: едой (38,3 часа), гостеванием и бездеятельным отдыхом (по 18,7 часа соответственно), чтением (26,4), прогулками (13,3).

Женщины-служащие в свободное время читали (60,5 часа), бездельничали (51,5), ели (28,5), танцевали (12,5), или ухаживали за собой (16,5).

Домохозяйки из семей рабочих в основном бездействовали (46,5 часа), ели (42,8) и ухаживали за собой (15,5). Столь же мало структурировано было личное время домохозяек в семьях служащих.

Общее количество личного времени у мужчин-служащих составляло 237,5 часа в месяц, у женщин-служащих – 205,5, у домохозяек в семьях служащих – 190,5 часа, у женщин-работниц – 165,7, женщин-домохозяек в семьях рабочих – 134, у мужчин-рабочих – 132,4 часа. Таким образом, статус служащего или члена семьи служащего давал человеку значительный временной ресурс, которым он мог воспользоваться по своему усмотрению.

Уход за детьми ложился на плечи домохозяек. Однако это занятие отнимало у них немногим более часа в день. Дети фактически не занимались женщины-служащие и мужчины-служащие (не более трех минут в день). У мужчин-рабочих этот показатель достигает 10 минут, а у женщин-работниц до 34,7 минут ежедневно. Очевидно, что городские дети Приуралья в начале 20-х гг. были предоставлены сами себе и вынуждены были самостоятельно структурировать свое время.

Разницу в темпоритмах жизни деревни и города 20-х гг. можно проследить по функционированию промыслов.

Круглогодично, то есть на постоянной основе, в этот период в городах Приуралья можно было заниматься кондитерским делом и производством игрушек. А в деревнях Урала самое продолжительное занятие (хлебопечение) отнимало 5 месяцев, ложечное производство – 23,5 недель, чулочное – 23 недели³¹. Таким образом, промыслы в уральской деревне 20-х гг. продолжали оставаться сезонным занятием, заполняющим пустоты времени в процессе производства сельскохозяйственной продукции.

Определенные расхождения темпоритмов городской и сельской жизни в исследуемый период заметны в сфере семейно-брачных отношений.

В 1924 г. пик свадеб в г. Усолье приходился на сентябрь, октябрь, ноябрь. В Кунгуре – на февраль, май, октябрь. В Перми – на январь, февраль, май. В Сарапуле – на август, сентябрь, октябрь, ноябрь. В сельской местности Верхне-Камского, Пермского, Кунгурского и Сарапульского округов месяцем свадеб, согласно православному календарю, оставался февраль³².

Православная вера допускает развод лишь в исключительных случаях, и для этой процедуры нет специальных отрезков времени в календарном цикле. В сельской местности Предуралья брачные пары предпочитали разводиться в феврале. А жители окружных городов делали это равномерно в течение всего года.

Умение самостоятельно распоряжаться временем, рационально его использовать, вряд ли можно отнести к врожденным навыкам человека³³. Наличие, либо отсутствие подобного навыка принято характеризовать понятием «дисциплина труда».

Задать новый жизненный ритм, приучить к новым (индустриальным) временным стандартам легче детей и подростков, чем людей с устоявшимся образом жизни. Все современные индустриально развитые государства решали эту задачу через государственные образовательные учреждения.

Озабоченность местных органов власти Приуралья этой проблемой просматривается сразу же после окончания Гражданской войны. В сложных условиях голодного 1922 г. было проведено статистическое обследование работы школ 1 ступени Пермской губернии. В ходе

³¹ История профсоюзов Урала. 1905–1982 гг. М., 1984. С.111.

³² ГАСО, Ф. 272. Оп. 1. Д. 120. Л. 26-27.

³³ Этот вывод подтверждается. Ж. Пиаже, который проводил эксперименты по появлению понятия времени у детей.

него была зафиксирована следующая продолжительность учебного года: в Перми и Мотовилихе – 186,9 дня, Пермском уезде – 151,1, Оханском уезде – 150,9, Осинском – 134, Сарапульском – 140,6, Кунгурском – 130,5, Усольском- 158,6, Чердынском – 138,2. Средняя продолжительность учебного года, таким образом, составляла 146,6 дня. Школы не только позднее начинали, раньше заканчивали учебный год, но вынуждены были делать перерывы в работе, связанные с отсутствием учащихся. Причинами прогулов назывались: домашний труд, болезни, непогода, отсутствие одежды и обуви³⁴.

До введения всеобщего обязательного начального обучения работа по унификации режимов работы школ не могла дать заметных результатов. Слабая материальная база учебных заведений, и отношение к учебе как к бесполезной трате времени со стороны части родителей тому способствовали. В Предуралье в 1925 г. новый год для половины, а именно для 403 деревенских школ начался в октябре, для 49 – в ноябре, а для 7 – в декабре. В марте 7 школ уже закончили работу, 56 продолжили ее до апреля, 356 – до мая, и 12 до июня³⁵.

Только после введения обязательного всеобщего начального обучения ситуация стала постепенно меняться. Вопрос о единых стандартах учебного времени считался настолько существенным, что рассматривался на уровне СНК ССР и ЦК ВКП(б). Согласно постановлению от 3.09.1935 г. «Об организации учебного года и внедрении распорядка в начальной, неполной средней и средней школе», учебный год должен был начинаться с 1 сентября и заканчиваться 1 июня для 1-3 классов, 10 июня для 4-7 классов, 20 июня для 8-10 классов. Школам предоставлялось право поделить учебный год на 2-3 части. Продолжительность зимних каникул должна была составлять 12 дней (с 30 декабря по 10 января), весенних – 6 дней, а летних от 72 до 92 дней. Ежедневное пребывание детей в школе определялось в 4-6 уроков, то есть от 3 до 4,5 часа. Региональные особенности жизнедеятельности населения и религиозные праздники в этом временном распорядке учтены не были³⁶.

Если сравнить новые временные стандарты, связанные с обучением, с дореволюционными нормами, то они были снижены. К примеру, в Чердынском уезде в 1912 г. школьники младших и средних классов должны были заниматься по 4 часа в день. Старших – по 5 часов. В некоторых школах предусматривались дополнительные двухчасовые вечерние занятия, кроме того, выдавались домашние задания. Перемены в целом занимали 45-60 минут, в том числе большие 20-30 минут. Следовательно, ученики находились в школе от 4,45 до 8 часов ежедневно³⁷.

Итак, со второй половины 30-х гг. все дети школьного возраста должны были жить в рамках нового годового временного цикла: учебное время – не учебное время (каникулы). Стало ли это привычным для них уже в довоенный период?

³⁴ Статистический обзор народного образования Пермской губернии за 1922-1923 уч. г. Оханск, 1924. С.50-53.

³⁵ В традиционном народном календаре обучение крестьянских детей начиналось с 14 декабря. См.: Времена года. Православный народный календарь. Пермь. 1991. С. 21.

³⁶ КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. М., 1986. С.377-378.

³⁷ Санитарное состояние школ Чердынского уезда. Пермь, 1914. С. 56.

Как показал наш опрос³⁸, представление о каникулах как особом времени – времени отдыха для детей, в этот период утвердилось в сознании далеко не у всех представителей этой социальной группы. Из 170 респондентов, смогли описать каникулярное времяпровождение 59 человек или 34,7% (24 горожанина и 35 жителей деревни). Еще двое собеседников показали свою осведомленность относительно особенностей каникулярного времяпровождения, при этом уверенно утверждали, что у них каникул не было. У одного: «Так как я не учился». У другого этого времени «как бы и не было. Все лето работал, зарабатывал на трудовни». Очевидно, что во втором случае каникулярное время использовалось не по назначению, наполнялось другими смыслами, и собственник это прекрасно сознавал.

Весенние каникулы были упомянуты только в двух интервью. Для наших респондентов они не связаны с определенным видом деятельности, не заполнены. Их характерная черта – время вынужденного безделья, которое «приходилось на розлив, выходить было не возможно. Кругом была вода, а обувью были лапти».

Значимым для всех респондентов стали зимние и летние каникулы. Любили дети больше зимние каникулы, так как «зимой дома меньше работы». Это было время подвижных коллективных игр и в городе, и в деревне. Наиболее часто респонденты вспоминают катание на самодельных лыжах, санках, коньках, иногда в лаптях, игру в снежки, колядование, хождение на елку, лепку снежных баб. «Собирались по 10-15 человек». «Катались целыми вечерами». Вместе с этим это время опасное, травматичное: «На льду разжигали костер». «На коньках катались, и врезался в трещину. Коленку разбил так, что целые каникулы лежал дома».

Летние каникулы складывались по-разному. В деревне, по выражению одного респондента, «особенно не развлекались». И с ним согласны 29,5% наших собеседников. Четырнадцать человек утверждают, что помогали родителям в домашнем хозяйстве, пятеро работали в колхозах, и один респондент вспомнил, что работал на пришкольном участке. Одновременно это время путешествий. Для деревенских детей это поездка в город к дядям и тетям, или на экскурсии в г. Пермь. Также летние каникулы – это период, когда взрослые не структурируют жестко время, и о нем можно даже забыть. «На речке мы готовы были пропадать до вечера, если была хорошая погода». «Иногда даже родители прибегали за нами и заставляли идти домой помогать по хозяйству».

³⁸ Вопрос о каникулярном времени и его заполнении был одним из более широкого круга вопросов посвященных социализации детей в 20-30 гг. в Приуралье. Опрос был проведен автором статьи в 1999–2001 гг. методом полуструктурированного интервью. В окончательную выборку вошло 170 интервью. Респонденты 1904–1931 гг. рождения жили на территории Западного Урала до начала войны. В статье цитируются высказывания Бобылева П.П. (1926 г. рождения), Кузнецова М.И.(1926), Волкова С.М.(1922), Лягина И.Е.(1920), Вагина А.С.(1928), Стафеева М.М.(1926), Летова Н.А.(1927), Мухачева Ф.Я.(1927), Калашникова И.П. (1924), Ромашова Н.В.(1913), Яшина С.Н.(1925), Картошкиной О.А.(1923), Хариной М.Н.(1923), Кулеминой К.Ф.(1923), Силиной Е.И.(1916), Борышевой В.С.(1918), Жилинской О.В.(1926), Часовиной Н.П.(1926), Лядовой Н.Г.(1929), Диевой Л.Н.(1927), Новоселовой Н.К.(1927), Поляковой Н.Ф.(1926), Федотовой В.К.(1926), Елисейевой Л.Г.(1928), Кузнецовой М.П.(1915), Обориной М.Н.(1926), Серебренниковой О.А.(1919).

Для городских мальчиков – это время наполнено «мужской работой на дому», «ежедневной ловлей рыбы для еды в период карточной системы», «ловлей птиц и ухаживанием за ними», походами в старших классах на танцы, поездками в деревню, походами с друзьями в лес за грибами и ягодами, занятиями футболом, пилкой дров и чтением книг.

Городские девочки, судя по их воспоминаниям, в каникулы не работали. Для них летние каникулы – это поездка на юг, в Оханск, в пионерлагерь «в Сочи почти каждый год», звеньевые сборы и различные игры. По представлениям этой группы респондентов, каникулы – это время, проведенное на улице. Это мог быть отдых на речке, «когда предоставлены сами себе», летний пионерлагерь в школе, игра во дворе в волейбол. В цепи ассоциаций этой группы присутствует также «усиленное питание в пионерском лагере».

Как видно из выше изложенного, у детей в 30-е гг. появилось законное, поддерживаемое государством основание распоряжаться частью времени по своему усмотрению. Правда только одна треть из них в той или иной мере воспользовалась этой возможностью.

Наиболее напряженными в 20-30-х гг. выглядят студенческие бюджеты времени. О темпоритмах жизни студенческой молодежи Приуралья отчасти можно судить по исследованию, проведенному М.И. Альтшуллером со студентами Пермского университета в октябре 1923 г. Ему удалось опросить 1200 человек, являвшихся членами ВКП(б), ВЛКСМ и профсоюзов. Участники исследования описывали два будних и один воскресный день (с 12 часов 16 октября до 14 часов 18 октября) и дополнительно отвечали на 21 вопрос³⁹.

Опрос, подготовленный М.И. Альтшуллером, показал, что в среднем студент тратил на все виды труда (службу, академические занятия, общественную работу, домашнее хозяйство) 15,72 часа в день. Активисты трудились чуть меньше: профсоюзные деятели по 15,49 часа, а члены партии по 15,41 часа. Соответственно на отдых и сон у них представителей этих групп оставалось в среднем по 7,57; 7,56, 7,58 часа в день. Те, кто не получал стипендию, естественно, больше времени тратили на службу (9,79% от бюджета), тогда как у стипендиатов (в основном членов партии и профсоюза) затраты составляли от 4,18% до 4,29%. Семейные студенты расходовали на служебную деятельность в 3 раза больше времени, чем одиночки⁴⁰.

Обследование продемонстрировало, что все студенты научились экономить (сокращать) рабочее время за счет совмещения различных занятий или подмены одного вида деятельности другим. Профсоюзные лидеры прогуливали до 5,71%, члены ВКП(б) и ВЛКСМ – 6,75%, а рядовые студенты с педфака от 6,46% до 8,75% учебных часов. Сэкономленное таким образом время они тратили на служебную деятельность.

³⁹ См.: Альтшуллер М.И. Бюджет времени пролетарского студента Пермского университета. Пермь. 1914. С. 11.

⁴⁰ Там же. С. 21-22.

На занятия общественной работой партийные лидеры использовали в три раза больше времени (9,83% бюджета), чем профсоюзные деятели и в два раза больше чем остальные студенты⁴¹.

Домашней работой пермские студенты в основном занимались в воскресные дни. В эти же дни студенты больше спали (юноши на 53 минуты, а девушки даже на 1,5 часа). Партийные активисты доделывали в выходные учебные задания.

Большой потерей времени для всех групп студентов было стояние в очередях, получение справок и дорога в университет. В рабочие дни на эти действия приходилось тратить от 2,82 до 3,12 часа. Эти затраты сопоставимы с расходами времени на общественно-полезную деятельность⁴².

Таким образом, членство в ВКП(б) или ВЛКСМ, обеспечивающее минимальный прожиточный минимум, давало возможность более рационально (по назначению) использовать время туда и время отдыха. Нехватка времени была связана не с общественной работой, а с семейным положением респондентов.

Как свидетельствуют приведенные выше данные, статус партийного активиста давал определенные возможности для оптимизации бюджета времени. Партийные активисты чуть меньше работали в целом, меньше тратили время на службу (т.е. на зарабатывание денег), больше прогуливали академических занятий. Казалось бы, что целесообразно потратить этот ресурс на отдых. Однако все сэкономленное время эта часть студентов тратила на занятия в сфере общественной деятельности.

Отсутствие времени на отдых не проходило даром для студенческой молодежи. На ежедневное «болезненное состояние» уходило от 0,91 до 1,01 часа. В конечном итоге несбалансированные бюджеты времени неизбежно приводили к росту числа хронических заболеваний. Одно из медицинских обследований, проведенное в 1928 г. показало, что среди активистов партийцев только 15% здоровых людей. У 70% прошедших осмотр были выявлены сколиоз и неврастения, 45% страдали малокровием, у 40% были обнаружены заболевания верхних дыхательных путей, 10% имели сердечные заболевания. Общее физическое развитие оценивалось как слабое у 35% и умеренное у 60% респондентов, прошедших обследование⁴³.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), регламентирующее режим труда и отдыха студенческой молодежи вышло только в 1936 г. Согласно этому документу учебный год должен был продолжаться с 1 сентября по 30 июня с перерывами на зимние (24 января – 6 февраля) и летние (1 июля – 31 августа) каникулы. Ежедневная учебная нагрузка в зависимости от курса была снижена с 40 до 18-30 часов⁴⁴.

⁴¹ Там же. С. 28.

⁴² Там же. С. 10.

⁴³ ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 247. Л. 251.

⁴⁴ КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. М., 1986. С.377-378.

В начальный период индустриализации, когда десятки тысячи бывших крестьян вынуждены были пойти работать на промышленное производство, несовпадение темпоритмов городской и сельской жизни, стало очевидным и существенным препятствием в решении экономических задач.

Новый идеологический постулат, который позднее прозвучит в известной песне как «трудовые будни – праздники для нас», нуждался во всестороннем обосновании и агрессивной пропаганде, так как Россия, в отличие от Запада, не пережила эпоху Реформации и не выработала моральных принципов, аналогичных протестантской этике.

Изучением проблем дисциплины и организации труда в занимались 20-30 гг. Рабочее-крестьянская инспекция, профсоюзы, опытные станции НОТ. Эти организации проводили разнообразные обследования и исследования состояния трудовой дисциплины на государственных промышленных предприятиях, преимущественно крупных. С 1923 г. в Перми начала работать первая на Урале станция ОПНОТ. Данная организация, созданная при ОблРКИ Уралсовета, в 1926 г. опубликовала данные, согласно которым до начала 1-й мировой войны в Европе количество рабочих дней достигало 302-308 в году, а в России 280. К 1923 г. показатель снизился до 260,7 дней. На Урале в 1923 г. рабочими считались 266 дней, а в 1924-1926 гг. – 264 дня⁴⁵. Подобное состояние дел рассматривалось как существенный недостаток в организации труда.

В 20-е гг. рабочие и служащие Приуралья демонстрируют готовность увеличить протяженность времени работы на производстве. По данным 1924 г., в Пермской трестированной промышленности сверхурочные работы составляли 3,8% ко всему проработанному времени, в Кизелтресте – 1%, в Камуралстройтрансе – 3,3%⁴⁶. Хуже дело обстояло в сфере обслуживания. В целом по Уралу в декабре 1924 г. сверхурочно работали 51,25 сотрудников пожарных команд, 42,7% служащих банков, 16,8% технического персонала государственных магазинов⁴⁷.

В 1925 г. по официальным данным 12% рабочих различных специальностей ежедневно перерабатывали на основном производстве от 1,5 до 4 часов⁴⁸. Рабочий день в таком случае продолжался от 9,5 до 12 часов. Таким образом, не менее 10-12% рабочих Приуралья продолжали существование в дореволюционном временном режиме.

К чему приводили подобные попытки увеличить продолжительность рабочего времени, попытался в 1926 г. выяснить доктор С.М. Рабинович на примере 15-летних учеников Лысьевского ФЗУ⁴⁹. Подростки по 4-6 часов в день работали в горячих цехах, а затем, по 3-4 часа учились в школе. Некоторые успевали еще заниматься общественной работой. Доктор составил журнал, который каждый подросток должен был заполнять в течение двух недель и,

⁴⁵ Торгово-промышленный Урал. Пермь, 1926. С.234.

⁴⁶ Труд на Урале в 1924 году. Свердловск, 1924. С. 89.

⁴⁷ Там же. С.115.

⁴⁸ Бюллетень Пермской окружной секции статистики труда за 1925 г. Пермь, 1925. С.12.

⁴⁹ ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 247. Л. 19-20.

в результате, смог разделить исследуемую группу на «сильно», «средне» и «слабо» загруженных.

С.М. Рабинович определил в качестве нормы для 14-25 летних в сон в 8,5 часов, свыше 25 лет – 8 часов. Следовательно, время бодрствования от 15,5 до 16 часов.

В действительности, в исследуемой группе время сна составляло от 4,20 до 9,23 часа, бодрствования – от 14,23 до 19,4 часа. Спать подростки ложились в промежутке от 22.14 до 1.20. В подгруппе «сильно» загруженных только один респондент определил свое самочувствие в течение дня как удовлетворительное. В среднем все опрошенные 3,5 дня в неделю плохо чувствовали себя утром и 3,8 дня в неделю – вечером.

Если врачи были обеспокоены физическими последствиями интенсификации труда в условиях промышленного производства, то профсоюзные деятели в первую очередь обращали внимание на экономическую неэффективность сверхурочных работ.

Местные органы власти попытались продлить дневное время через создание систем искусственного освещения. Касалось это, прежде всего, городов. Показательно в этом отношении постановление Пермского окрисполкома от 6 января 1924 г. «Об охране ламп уличного освещения»⁵⁰. Постановление носило обязательный характер и предусматривало уголовную ответственность граждан за порчу данного имущества. Однако в исследуемый период задача освещения улиц в вечернее и ночное время решались медленно. В 1923 г. только в таких уральских городах как Надеждинск, Златоуст, Свердловск, Челябинск, Тагил, Магнитогорск, Пермь, Березники и Кизел существовали системы искусственного освещения. Приоритет отдавался новостройкам. Березники были освещены лучше, чем Пермь⁵¹.

Со второй половины 20-х г. структурирование времени «сверху» продолжается, и речь идет уже не об унификации годового цикла, а об унификации в распределении времени на рабочее и нерабочее в течение суточного цикла. Сессия ЦИК ССР 15 октября 1927 г. приняла решение о переходе на 7-часовой рабочий день и запланировала закончить эту акцию за пять лет.

Уже в ноябре 1928 г. 5-й съезд профсоюзов Урала рапортовал о завершении акции. Первыми перешли на новый режим труда Кизеловские угольные копи и Пермский суперфосфатный завод⁵². По официальным данным, в 1932 г. такой рабочий день был введен уже на 86,45% предприятий Наркомата тяжелой промышленности, 92,3% Наркомата легкой промышленности и 78% – лесной. Однако в реальности, процесс перехода на новый режим труда на Приуралье завершился значительно позднее запланированных сроков, а именно, в 1934 г.⁵³

⁵⁰ ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁵¹ ГАСО. Ф.296. оп. 2. д.150. л.188.

⁵² Существует и другая точка зрения, согласно которой такой режим был впервые введен на Лысьвенском металлургическом заводе. См.: История Урала. Т. 2. Пермь, 1965. С.286.

⁵³ История профсоюзов Урала... С.134.

Процесс перехода на сокращенный рабочий день шел параллельно мероприятиям по оптимизации расходования рабочего времени. Актуальность этого вопроса стала очевидной для хозяйственников уже в начале 20-х гг. Например, обследование мартеновского цеха Лысьвенского металлургического завода (1924 г.) показало, что загруженность квалифицированных рабочих колеблется от 25,45 до 50,6% по различным профессиям, а вспомогательные рабочие были загружены работой только на 31,7%⁵⁴.

Для обучения планированию администраторов низшего звена и рабочих использовались различные способы. Одной из удачных попыток решить проблему можно считать деятельность ударных бригад.

Ударные бригады появились практически одновременно в 1926-1927 гг. в крупных промышленных центрах (Москва, Ленинград, Кузбасс, Урал). В Прикамье сначала в Лысьве, затем в Перми, Мотовилихе, Чусовом, Добрянке, Нытве. В эти бригады зачислялись успешные и инициативные молодые рабочие. Основной задачей для них было увеличение норм выработки. Предварительный отбор членов группы, повышенное внимание администрации и инженерно-технического персонала, чувство морально удовлетворения и превосходства должны были привести и приводили к заметному повышению производительности труда, то есть более рациональному использованию рабочего времени. К 1-му областному съезду ударных бригад, проходившему 17-18 ноября 1929 г., на Урале действовало 3582 бригады (100 тыс. чел.)⁵⁵.

Участвуя в подобных коллективных акциях, тысячи молодых рабочих учились считать, ценить беречь рабочее время и даже стали его планировать. Чаще это были коллективные планы в рамках социалистического соревнования. Но некоторые молодые люди увидели преимущества в детальном планировании своей личной жизни. Симптоматично в этом отношении появление в молодежной газете письма (март 1936 г.) Александра Мешко. Необходимость планирования распорядка своего дня он объяснял следующим образом: «Приходится сталкиваться с десятком самых разнообразных вопросов: школа, физкультура, политехучеба, ликбез, клуб и т.д. Я стараюсь избежать самотечности в работе. С вечера составляю план, что мне нужно сделать на следующий день... Плановость постановки вопросов позволяет мне работать над собой, находить время для нормального отдыха»⁵⁶. Бывший беспризорник, ставший токарем на Пермском заводе «Коммунар» в 17 лет, тоже пишет в газету: «У меня нет свободной минуты для безделья, нет и желания «исследовать карманы», пустить камень в окно... Я определенно решил идти учиться – учиться в военно-морскую школу... Через три года я непременно стану на борт морского корабля...»⁵⁷.

Демонстрацией нового отношения ко времени труда со стороны Советского государства стала рекордомания середины 30-х гг. Побить рекорд, означает не что иное, как

⁵⁴ Торгово-промышленный Урал. Пермь, 1926. С. 234.

⁵⁵ История Урала... Т.2. С. 201.

⁵⁶ На смену! 1936. 25 марта.

⁵⁷ Комсомол Прикамья в документах. С.85-86.

желание «победить время», то есть вместить в любую временную единицу столько действий, сколько нам заблагорассудится.

Точное количество принимавших участие в стахановском движении назвать невозможно, так как в посвященной данному вопросу литературе приводятся непригодные к обобщению данные.

Сделать рекорды массовым явлением не удалось. Даже по официальным данным в основных отраслях производства, количество стахановцев не превышало 10-12% численности рабочих⁵⁸. Поскольку это данные партийных организаций, их следует рассматривать как «декларацию о намерениях», а не как статистические сведения. Вместе с тем, изменить, подчинить, активно воздействовать, сразиться со временем, выразили желание только в Приуралье десятки тысяч людей. Людей, поверивших в бесконечные возможности человеческого организма. Судя по воспоминаниям, дети были хорошо осведомлены о социальном статусе стахановцев.

Результатом длительной агитационно-пропагандистской кампании стало введение новых производственных норм выработки промышленной продукции. Акция была проведена в 1933 г. На 142 предприятиях уральского региона был проведен хронометраж и фотонаблюдение. В результате удалось изменить (фактически увеличить) 132 тысячи производственных норм. Нововведения коснулись трехсот пятидесяти тысяч человек⁵⁹.

Полностью переучить бывших крестьян жить в ином темпе за короткий исторический срок не удалось. Прогулы и опоздания на работу в начале 30-х гг. продолжали оставаться массовым явлением. Количество прогулов увеличивалось в период весеннего сева, сенокоса и уборки урожая. Крестьяне просто покидали производство без объяснения причин и уведомления администрации. ЦИК и СНК СССР вынуждены были принять совместное постановление «Об увольнении за прогулы без уважительных причин» (15.11.1931). Оно обсуждалось на пленуме Уралпрофсовета. Меры по реализации постановления принимались разнообразные. Например, на металлургическом заводе в Лысьве было проведено 880 индивидуальных бесед с рабочими. Вопрос обсуждался на профсоюзных собраниях, в том числе в близлежащих колхозах, в стенной печати, на радио. Злостных нарушителей увольняли с работы⁶⁰.

В 20-30 гг. XX века различные социальные группы (демографические, национальные, религиозные, гендерные, профессиональные), функционировавшие на территории Приуралья, пользовались различными временными координатами (календарями). Ритмы их жизнедеятельности не совпадали.

Особенно заметным было несовпадение темпоритмов на уровне семьи, где ритмы труда и отдыха взрослых, не совпадали со временем труда и отдыха детей. Если в домашнем труде дети и подростки ориентировались на ритм действий родителей, то в учебной

⁵⁸ ПАСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 781. Л. 1.

⁵⁹ История профсоюзов Урала... С.110.

⁶⁰ ГАСО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 120. Л. 26-27.

деятельности они должны были подчиняться жестким условиям государственного стандарта, не учитывающего эмоционально-психологическое состояние ребенка. Кроме того, члены семьи стали меньше времени проводить вместе. Темпоритмы жизни детей и взрослых перестали совпадать, что неизбежно должно было обострить конфликт поколений.

Если в традиционном обществе владеют (хранят и распоряжаются) временем священнослужители и старики, то в раннеиндустриальном эта функция переходит государству. Предлагая обществу новую систему ценностей, где общественно-полезный труд становится главной составляющей, Советская власть предложила и новую структуру времени. Переход к новой системе проходил постепенно, с учетом региональных традиций. Местные праздники, в том числе и религиозные, продолжали официально существовать до второй половины 20-х гг. В 30-е гг. религиозные праздники в основном уже отмечались, а не праздновались. Пропаганда трудовой активности строилась на переоценке рабочего времени и недооценке времени отдыха. Переоценка времени труда и недооценка времени отдыха явление, характерное для всех государств, вступающих на путь ускоренной модернизации.

Анализ бюджетов времени различных социальных групп Приуралья середины 20-х гг. показывает, что время труда, сна и отдыха у них различается незначительно. Другое дело, что структурировано оно было по-разному. Темп и ритм рабочего времени крестьяне определяли сами, в зависимости от индивидуальных особенностей организма. В этом труде возможны были многочисленные непродолжительные перерывы (своеобразные остановки времени). Крестьяне продолжали жить по биологически часам и эту привычку сохранили в 30-х гг. До тех пор, когда, спасаясь от коллективизации, они мигрируют в города. Этот процесс приведет к серьезному кризису дисциплины труда на промышленных предприятиях.

Городские жители, не связанные с сельским хозяйством, подчинялись режиму тех предприятий, на которых они работали. Этот режим не учитывал биологических ритмов. Работать приходилось в любое время, в том числе и по ночам. Переизбытка или дефицита рабочего времени в отдельные месяцы годового цикла, характерных для крестьянской жизни, здесь не было. Рабочее время распределялось по месяцам и неделям равномерно. Это время, так же, как и время отдыха, можно было с большей уверенностью планировать.

Структурировать (рационально наполнять) свое время в исследуемый период умели далеко не все горожане. Наиболее плотным, насыщенным, разнообразным оно было у служащих-мужчин. Они умели не только не отказывать себе в отдыхе, но использовали большую часть этого времени на удовлетворение преимущественно личных потребностей. Для сравнения скажем, что их жены-служащие часто брали сверхурочную работу и для её выполнения сокращали время приема пищи, почти не ухаживали за собой, не ходили на выставки и в музеи, не занимались спортом, хотя потенциально имели такие же возможности, как мужчины.

Новые жизненные ритмы, построенные исключительно на экономической целесообразности, приживались с трудом. Они противоречили природным, природным циклам и традиционным дисциплинарным практикам. Для разрешения противоречия Советское государство пошло на ужесточение санкций против тех, кто не вписывался в

новые временные рамки. Чаще это были представители старших поколений. А для реализации санкций через комсомольские организации власть подключала молодежь.

Об авторе:

Волкова Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая Кафедрой истории, социологии и права Пермской государственной сельскохозяйственной академии им. Д.Н. Прянишникова.